

Новая песня изменила тональность, прямой ритм был заменен на обратный, а также добавились многочисленные украшающие ноты, из-за чего с первого прослушивания было сложно узнать ту же самую мелодию. Однако, если кто-то указывал на это и отсекал все изменения, чтобы сосредоточиться на основной мелодии, становилось легко увидеть, что мелодические линии двух песен полностью совпадают.

Шесть экспертов единогласно подтвердили факт плагиата, что вполне объяснимо. Обычные люди, возможно, не смогли бы распознать плагиат, но любой, кто хоть немного разбирается в аккордах, увидев ноты этих двух песен, сразу бы понял, что одна скопирована с другой.

После того как обе песни закончили играть, Небесный король Чу скрестил руки на груди и, удобно устроившись на диване, с ухмылкой посмотрел на Цзян Фэна:

— Ну что, в суде ты уже несколько раз пытался отмазаться. Не говори мне, что ты не знаешь, откуда взялась твоя песня. Как ты собираешься оправдываться на этот раз?

Цзян Фэн, опираясь рукой на лоб, некоторое время молчал, казалось, у него больше не оставалось аргументов. Чу Аньгэ не торопил его, наслаждаясь видом человека, попавшего в безвыходное положение.

Наконец, Цзян Фэн опустил руку, его взгляд стал слегка растерянным.

— Юэгэ, у тебя есть доступ в интернет? Помоги мне что-то проверить...

Дело было не в том, что Цзян Фэн не умел пользоваться телефоном. Царство Демонов по уровню технологий ничуть не уступало миру людей, и такие высокотехнологичные устройства, как телефоны, компьютеры, телевизоры и автомобили, были там в изобилии. Просто сейчас он был настолько пьян, что все тело было словно ватным, и даже такие простые действия, как использование телефона, давались ему с трудом.

Ли Чэньюэ не понимал, что за идея пришла в голову его младшему брату, и хотел было выяснить это, но, увидев, как тот покраснел от выпитого крепкого алкоголя, с трудом дышал, а глаза его затуманились, он сглотнул и промолчал.

Через некоторое время из телефона Ли Чэньюэ снова заиграла музыка.

Это была не песня, а чисто электронная композиция, без вокала.

Те, кто знаком с европейскими музыкальными жанрами, сразу бы узнали, что это музыка в стиле хэви-метал. Быстрые и плотные удары барабанов в сочетании с мощным басом задавали основу композиции, а гитара и клавишные создавали мелодическую линию, полную энергии, агрессии и разрушительной силы. Хотя музыка воспроизводилась через телефон, а не через профессиональное звуковое оборудование, она все равно вызвала у присутствующих ощущение оцепенения.

Хэви-метал в Китае встречается крайне редко. Местные группы почти не используют этот стиль, а иностранным коллективам сложно завоевать китайский рынок. При этом данная композиция была еще более радикальной, чем обычный хэви-метал, и даже заимствовала элементы импрессионистской музыки, отказавшись от традиционной мелодии и гармонии.

Конечно, никто, кроме Цзян Фэна, не смог бы это понять. Для большинства китайцев хэви-метал был просто слишком шумным. А современная музыка, как правило, лишена той плавности и естественности, которые присущи традиционной музыке. Сочетание двух таких

неприятных элементов вряд ли могло дать что-то хорошее.

Композиция длилась девять минут. К середине люди уже явно начали терять терпение, и если бы не молчание Чу Аньгэ, кто-то, вероятно, уже попросил бы Ли Чэньюэ остановить музыку. Сам Ли Чэньюэ тоже страдал, хотя музыка и не была шумом в полном смысле слова, но она была близка к этому, и постоянное воздействие мощных басов и оглушительных высоких частот почти свело его с ума.

Когда композиция наконец закончилась, все в комнате невольно вздохнули с облегчением. Ли Чэньюэ быстро нажал кнопку остановки, незаметно вытирая пот с ладоней о свою одежду.

Чу Аньгэ выглядел совершенно холодным, казалось, он даже потерял интерес к тому, чтобы дразнить Цзян Фэна:

— Этот раздражающий шум можно назвать музыкой? Это просто настоящий кошмар.

Цзян Фэн некоторое время молча смотрел на него, прежде чем, с трудом преодолевая опьянение, оторваться от стены, сделать шаг вперед и выпрямиться, приняв вежливую и учтивую позу.

— Действительно, это шум, — сказал он, кивая. — Это симфоник-метал, но в нем использованы не элементы западной классической музыки, а импрессионистские мотивы Дебюсси, из-за чего гитарная партия, хотя и выделяется, не имеет непрерывной мелодии, создавая странное и искаженное ощущение. Думаю, не только вы, но и большинство китайских слушателей сочтут это шумом.

Чу Аньгэ нахмурился и холодно спросил:

— Так зачем ты заставил нас слушать этот шум?

Цзян Фэн вежливо указал на телефон в руках Ли Чэньюэ:

— Обычно в симфоник-метале партию вокала исполняет сопрано, но в этой композиции вокала нет. Чтобы компенсировать отсутствие мелодической линии, в аранжировку был добавлен ирландский вистл. Если вы не против, можете послушать еще раз, попробуйте сосредоточиться на звучании вистла. Жаль, что в телефоне нет эквалайзера, чтобы уменьшить низкие частоты и сделать звук вистла более четким.

Он кивнул Ли Чэньюэ, чтобы тот снова включил музыку, а сам вернулся к стене, прислонившись к ней. Ли Чэньюэ, всё ещё опасаясь этого шума, перед тем как нажать кнопку, украдкой взглянул на Чу Аньгэ, словно ожидая, что тот скажет, чтобы он не включал, даже если это приведет к драке. Но Небесный король только пристально смотрел на Цзян Фэна, не собираясь ничего говорить.

Ли Чэньюэ вздохнул и всё же нажал кнопку воспроизведения. Не желая снова быть живым усилителем, он поставил телефон в центр стола и отошел в угол комнаты.

Совпадение или нет, но динамик телефона, резонируя с широкой закаленной стеклянной поверхностью стола, создал удивительный эффект эха. Та же самая композиция, с тем же уровнем громкости, теперь звучала совершенно иначе.

Над бурным и агрессивным электронным звучанием вдруг проявилась очень красивая и мелодичная партия флейты.

Звук флейты был негромким, и его проникающая способность не могла сравниться с электронной музыкой, поэтому в первый раз никто не заметил эту мелодическую линию. Теперь же, благодаря резонансу, звучание вистла стало более четким, и даже нижние, разрозненные и искаженные мелодии обрели гармонию, создавая вместе с другими звуками нечто прекрасное и захватывающее.

Это, без сомнения, была песня. Хотя в ней не было вокала, это была не просто инструментальная композиция, а песня без слов.

На этот раз все слушали, затаив дыхание, и даже после окончания композиции еще долго оставались под впечатлением.

— Эта песня называется «Черная дыра». Умышленное ослабление верхней мелодической линии было сделано, чтобы передать абсолютную силу черной дыры, поглощающей весь свет и уничтожающей все, что к ней приближается. Это... мое самое любимое произведение того времени... — Цзян Фэн опустил взгляд на телефон, стоящий в центре стола, и в его голосе прозвучала ностальгия и грусть.

— ...Что ты сказал? — последние слова Цзян Фэна были произнесены слишком тихо, и Чу Аньгэ не расслышал их. Подняв голову, чтобы спросить, он увидел, что глаза Цзян Фэна покраснели, а взгляд стал мутным и рассеянным, что явно свидетельствовало о сильном опьянении.

Однако это состояние длилось лишь мгновение. Молодой певец снова выпрямился, с достоинством глядя на Небесного короля:

— Думаю, мне не нужно больше объяснять. Все присутствующие могут услышать, что мелодии, из-за которых мы спорили, совпадают с мелодией ирландского вистла в этой композиции. И из трех песен именно «Черная дыра» была выпущена раньше всех.

Он поднял телефон и показал его Чу Аньгэ. В браузере была открыта страница на 5sing с ID «Фомальгаут», а дата публикации «Черной дыры» — 17 июня 2005 года, на два года раньше, чем «Сияние».

Действительно, как и сказал Цзян Фэн, мелодическая линия ирландского вистла в «Черной дыре» совпадает с мелодиями «Сияния» и «После». Это особенно заметно в «Сиянии», где акцент сделан на плавности мелодии. Если бы не то, что «Черная дыра» была выпущена раньше, можно было бы сказать, что это версия «Сияния» для ирландского вистла.

<http://bllate.org/book/16452/1492359>